

О реформе, бюрократии, научной этике

В.В. Бочаров

Идет реформа высшего образования. Ее цели, как, впрочем, и других реформ, уже проведенных в нашей стране, самые праведные. Предполагается, конечно, «повысить», «улучшить», «обеспечить». Общество неизбежно разделяется на реформаторов и реформируемых. Первые – это всегда «начальники», которые хорошо знают, что нужно последним и что необходимо изменить, чтобы этого достичь. Но, как показала практика, «повышается» и «улучшается» в результате реформ преимущественно у них самих. Они-то и составляют бюрократический класс, который в нашей стране непотопляем во все времена и всегда наверху, успешно, правдами и неправдами, распределяя общественные материальные ресурсы в свою пользу. Во многом благодаря ему, воровство и коррупция достигли сегодня небывалого размаха в российском обществе.

Не является исключением и сфера высшего образования, где чиновник сегодня также главный герой. Правда, здесь, как повелось, «начальник» – это еще и «большой ученый». Поэтому получение символов, удостоверяющих этот факт (ученая степень, звание, публикации) – необходимое условие приобщения к льготной общественной кормушке. Другое дело, что представители данного сословия люди конкретные, не склонные к абстрактной рефлексивной деятельности, неизбежно предполагающей научный труд, а поэтому для получения желанных атрибутов ими же запущены привычные механизмы: воровство (идей и не только), плагиат, жульничество. Эти «добродетели» доминируют в современном, во всяком случае, обществоведческом научном сообществе, сформировав своего рода этикет взаимоотношений внутри профессии. Сказать вслух о чьей-либо научной недобросовестности, по меньшей мере, считается неприличным, а то и вовсе предательством. Можно долго рассуждать, почему так случилось. Конечно, главные причины носят объективный характер, они, несомненно, лежат в нашем советском прошлом, в той роли, которую играло обществоведение и обществоведы в то время. Существуют и причины субъективного по-

Виктор Владимирович Бочаров — доктор исторических наук, профессор факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

рядка, заключающиеся в благодушии, свойственном ученым, честно занимающимся своим делом. Он-то как раз приводит к тому, что «дельцы» и «менеджеры» от науки множатся с огромной скоростью, захватывая командные посты в науке и высшем образовании, насаждая свои правила игры, в основе которых лежит исключительно корыстный интерес. При этом поиск истины, что собственно и определило появление науки в культуре человечества, стоит далеко не на первом месте. Наверно, полная деградация социума наступает именно тогда, когда вирус безнравственности и аморальности поражает работников духовной сферы: художников, писателей, священников, ученых. В этом случае, утрачиваются последние шансы когда-либо вернуться к «правде» – краеугольному камню человеческого бытия, без которой общество в принципе нежизнеспособно.

Именно эти безрадостные мысли заставили меня сесть за написание данной статьи. Я хочу привлечь внимание к публикациям и деятельности заведующего кафедрой культурной антропологии и этнической социологии, а по совместительству – заместителя декана факультета социологии СПбГУ, доктора социологических наук, профессора А.И. Куропятника. Это энергичный, молодой для своего положения человек, объявивший недавно на заседании кафедры о конце «эпохи неолитерализма», высказывающий на заседаниях ученого совета факультета идеи, призванные повысить «качество образования», уже подсчитавший, что при переходе факультета на 2-х уровневую систему в соответствии с Болонским процессом придется расстаться с 37 сотрудниками.

Занимается он темой, которая сегодня считается суперактуальной и которую он объявил приоритетной для кафедры, а именно: проблемой взаимодействия различных культур в условиях полиэтничного социума. Недавно, например, он, видимо считая себя экспертом, решил откликнуться на известные события во Франции, взбудоражившие мир. В «Журнале социологии и социальной антропологии» (№ 4, 2005 г.) была опубликована статья «Иммиграция и национальное общество. Франция». Предваряя труд, профессор отмечает «непродуманную иммиграционную политику государства (Франции. – В.Б.)» и предупреждает, что «подобные события могут произойти в любой экономически благополучной стране, если беспечно относиться к проблемам миграции и не рассматривать иммиграционную политику в качестве важного компонента социальной политики государства» (Статья: 137).

Эффект от использования результатов научных исследований в практических целях зависит от очень многих факторов. Одним из них (к сожалению, может быть и не самым главным), безусловно, является качество проведенного исследования, что, в первую очередь, предполагает объективность выводов, сделанных ученым. Что для этого необходимо? Во-первых, максимально исчерпывающий эмпирический материал, находящийся в его распоряжении, во-вторых, примененный научный метод, который бы был максимально адекватным изучаемому объекту, в-третьих, способности и талант исследователя, включая его научную интуицию, и, наконец, его добросовестность и честность. Каков же уровень исследований данного специалиста?

Начну с уже упомянутой статьи.

Любого служителя науки сразу же удивит тот факт, что автор труда, привязав его тематику к событиям, происшедшим в 2005 г., почти полностью воспроизвел текст своей книги, опубликованной в 2000 г.: «Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтнических обществ» (СПбГУ). Она была основной работой при защите его докторской диссертации. Проще говоря, это и была диссертация. Сравнив оба текста, увидим, что статья – это не просто сплошной фрагмент книги. Куски берутся из ее разных частей, воспроизводятся, практически, дословно, и соединяются в «новое произведение», зачастую даже без вводных слов. Автор жонглирует различными фрагментами книжного текста, переставляя их из одного конца в другой.

Немного о самой книге. В ней автор «исследует мультикультурализм как одну из форм либеральной идеологии... рассматривая в контексте современных миграционных и иммиграционных процессов... основные подходы к пониманию феномена мультикультурализма, опыт его использования в различных странах» (Мультикультурализм: 2). Данные процессы исследуются на материалах Австралии, США, западноевропейских обществ в целом, а также отдельных европейских государств: Франции, Великобритании, Германии, Швеции. Очевидно, чтобы изучить даже поверхностно заявленные автором вопросы социологу/антропологу (к коим относится автор книги) требуется не одна жизнь. Может быть книга – это обобщающая работа, подводящая итог многолетним исследованиям А.И. Куропятника в данном направлении? Оказывается, что до выхода в свет монографии им непосредственно по данной теме было опубликовано лишь двое тезисов, общим объемом 4 стр. (Мультикультурализм: 190).

В общем это – чисто компилятивный труд, в котором представлены точки зрения, мнения, выводы западных (преимущественно немецких) исследователей, занимающихся проблемами подобного рода. Здесь почти каждый абзац сопровождается отсылкой на источник, иногда в виде цитат, в большинстве же случаев автор обходится без них, вероятно, пересказывая его положения с той или иной степенью вольности. Подчеркну, что эмпирический материал (хотя бы вторичный), используя который социолог/антрополог может делать собственные выводы, в цитируемых источниках практически не содержится, а приводятся лишь мнения и суждения западных коллег по данной проблеме. Если подчас и даются какие-то количественные показатели, то только те, которые подкрепляют логику рассуждений и выводов цитируемых авторов. В былые времена подобные работы писались нашими философами, специализировавшимися «на критике буржуазных теорий», которые анализировались с марксистской позиции классового подхода. Это, кстати, были неплохие работы, в которых авторы достаточно подробно разбирали «буржуазные концепции», стараясь обнаружить в них внутренние противоречия. Критикуя же их с классовых позиций, они давали и собственный эмпирический материал, который, по их мнению, опровергал точку зрения оппонентов.

Сейчас же необходимость критического анализа с известных позиций естественным образом отпала, а «теории», подчас без всякой научной рефлексии стали при-

вноситься в отечественное обществоведение. Таким образом «открываются новые направления в отечественной науке», что, как известно, является необходимым требованием, предъявляемым к докторским диссертациям. Словом, достижения западной науки в области обществоведения превратились в определенный момент из объекта анализа и критики в источник быстрого «профессионального» роста молодой российской плеяды гуманитариев, единственным достоинством которых является владение иностранным языком.

Однако, вернемся к статье.

На первый взгляд, статью выгодно отличает от книги присутствие собственных суждений и выводов А.И. Куропятника, подчас весьма небезыntenесных. В общем, читая статью, ощущаешь, что автор работает «на мировом уровне». Однако при сопоставлении текстов без труда обнаруживается, что он просто очень часто «забывает» сослаться на источник, указанный в его же книге. В результате мнения, суждения и выводы западных коллег в одночасье превращаются в его собственные. Иными словами, налицо имитация мыслительного процесса, результаты которого как бы резонируют с мнениями западных коллег. Пример:

Статья: А.И. Куропятник заключает: «Основная трудность состоит не в том, чтобы включить многочисленных иммигрантов в структуру определенного европейского общества на принципах индивидуальной интеграции...» (Статья: 138):.

Книга: Здесь эта мысль числится за Контосом (*Kontos* 1994: 90) (Мультикультурализм: 70).

Словом, в журнальной же версии она выступает в качестве авторской (отсылка на Контоса отсутствует). Но следом идет цитата из нового (более современного источника), она подкрепляет предыдущую мысль, которая уже как бы не принадлежит Контосу: «Мы действительно больше не живем в обществах, где культурная разность должна быть исключительно внешним фактором, либо соединением на расстоянии одних с другим» (*Вивьерка* 2004: 179) (Статья: 138).

Еще характерный пример подобного рода. На 146 стр. статьи следует пассаж, почти дословно взятый уже с 93 стр. книги: «Ассимиляция с этой точки зрения представляется на официальном уровне как освобождение от наследия колониального прошлого – с одной стороны, а с другой как преодоление ситуации внутреннего колониализма, результатом которого является **обретение общенациональной идентичности**». В статье фраза оборвана после слов «внутреннего колониализма», видимо поэтому ее источник не указан (*в книге – Sraieb* 1991; 213–214 [Мультикультурализм: 93]). Зато идея «**обретения общенациональной идентичности**» проиллюстрирована цитатой из работы, написанной через 13 лет после выхода в свет труда Срайба: «Непременным результатом этих усилий должно было быть обязательное обретение общенациональной идентичности и согласие с тем, что ассимиляция – это несомненный путь к успеху» (*Балибар, Валлерстайн* 2004: 36). Действительно, ссылка на работу, изданную за 15 лет до французских событий, наверно, показалась А.И. Куропятнику не очень убедительной. Поэтому, присвоив саму идею Срайба, он подкрепляет ее работой более поздней. Эффект прежний.

Вообще в библиографии статьи (49 названий в списке литературы), по сравнению с книгой, произошли некоторые изменения. Восемь раз упомянуты четыре новые работы, изданные в 2000–2004 гг. Способ их использования весьма любопытный. Рассмотрим некоторые примеры.

Книга: «Проблема иммиграции, таким образом, долгое время оставшаяся во Франции на периферии политической жизни, в начале 80-х годов оказалась в центре внимания политиков (Hoehne 1994: 121–122). В связи с этим в научных политических и общественных дискуссиях Франции этого периода были поставлены вопросы социальной стабильности общества, сохранение исторически сложившегося единства народа, французской гражданственности, подвергшихся разрушительному воздействию этнокультурной плюрализации. Иммигранты отчетливо подразделялись на две категории: одни из них, стремившиеся к постепенной интеграции во французское общество, позитивно воспринимались общественным мнением, другие, избравшие по ряду причин стратегию обособления, рассматривались как олицетворение угрозы, потенциальной конкуренции за социальные блага и, как следствие, социальной нестабильности и межэтнической конфликтности (Wenden 1991: 229)» (Мультикультурализм: 99–100).

Статья: «Проблема иммиграции, таким образом, долгое время оставшаяся во Франции на периферии политической жизни, в начале 80-х годов оказалась в центре внимания политиков (*отсутствует ссылка*). В связи с этим в научных политических и общественных дискуссиях Франции этого периода были поставлены вопросы социальной стабильности общества, сохранение исторически сложившегося единства народа, французской гражданственности, подвергшихся разрушительному воздействию этнокультурной плюрализации. **Однако интеграция иммигрантов рассматривалась при этом с позиции профилактики смещения культур [Балибар, Валлерстайн 2004: 35] (появилась вставка из нового источника).** Иммигранты отчетливо подразделялись на две категории: одни из них, стремившиеся к постепенной интеграции во французское общество, позитивно воспринимались общественным мнением, другие, избравшие по ряду причин стратегию обособления, рассматривались как олицетворение угрозы, потенциальной конкуренции за социальные блага и, как следствие, социальной нестабильности и межэтнической конфликтности (*ссылка отсутствует*)» (Статья: 151).

Итак, в середине текста, дословно заимствованного из книги и выступающего здесь в качестве авторского, вдруг возникает цитата из свежей по времени работы. При этом она не несет никакой новой информации, да и вообще, ничего сверх уже сказанного в книге. Каков смысл данной операции? Во всяком случае, он не научный – это, как мне кажется, очевидно.

В журнальном варианте текста, «делая выводы», профессор все время забывает сослаться на тех, кто на самом деле их сделал. Например:

Статья: «Этот кризис не является результатом только конфронтации “богатых” и “бедных”» (Статья: 138).

Книга: Здесь этот вывод предваряется словами «как считает немецкий социолог Г. Эйхберг» (Мультикультурализм: 71). А из утверждения «набирающая силу ксенофобия в среде населения индустриально развитых государств, вызванная иммиграцией из бывших колоний и доминионов не всегда позволяет ему осознать...», аналогичным образом пропала фраза: «По словам Ю. Хабермаса» (Там же) (*Отсылки на оба источника в статье отсутствуют*). Еще пример.

Статья: «Наряду с другими задачами, такими как вопросы предоставления гражданства иммигрантам, политическая и социальная саморефлексия, осознание факта этнокультурной плюральности становится основной проблемой, с которыми правительства различных государств начинают активно работать» (Статья: 139).

В книге этот же текст закавычен и сделана сноска (*Balmer; Solomos 1998: 829*). (Мультикультурализм: 72).

Зато тут же, в соответствии с принятой методикой создания «нового текста», цитируется современный автор с банальной для темы статьи мыслью «Франция, как впрочем, и другие западноевропейские страны, является одним из основных идеологов европоцентризма, сопряженного с наследием колониализма» (*Бузар 2004: 296*) (Статья: 139).

Еще очень любопытный метод творческого поиска:

Книга: «Экспансивный вариант... принципам ассимиляционизма и централизма» (*Brubaker 1996: 12–13, 14*) (Мультикультурализм: 166).

В статье дословно воспроизведенный текст (Статья: 139) сохраняет данную ссылку, но уже следующее предложение, которое выступает как обобщение, дается без указания источника: «Любые этнические образования рассматриваются здесь с точки зрения их соответствия идентичности и культуре национального французского большинства». Хотя оно, если верить книге, принадлежит Тиби (*Tibi 1994*) (Мультикультурализм: 166).

Статья: Демонстрируя глубокое знание современных реалий, А.И. Куропятник утверждает, что во Франции никто не может понять фразу «мы являемся этнической группой» (Статья: 146).

Книга: Тот же текст сопровождается фразой «подчеркивает французский социолог Ж. Вербунт». Здесь и кавычки начинаются перед «Во Франции...» (см. Мультикультурализм: 91).

Статья: Следует категоричный вывод, формулируемый А.И. Куропятником опять же от своего лица: «В этом плане французская идеология действительно оказалась подчиненной влиянию многочисленных исторических факторов». Далее он ссылается на Вербунта, чье мнение якобы подтверждает данное заключение (Статья: 146).

Из книги же следует, что и сам вывод (воспроизведенный в статье дословно) принадлежит не автору, а Вендену (*Wenden 1991: 224*) (Мультикультурализм: 93).

Удалось, наконец, обнаружить в статье и собственный вывод автора. Об использованном научном методе и, соответственно, его глубине и достоверности судите сами. Например, воспроизведя дословно из книги характеристику ситуации во Франции

1996 г., сделанную Буковым (ссылка на работу Букова имеется), красочно отразившую бедственное положение иммигрантов, А.И. Куропятник заключает: «Вероятно, по этим причинам дети поджигают школы и детские сады, ведь для некоторых из них (в силу разных обстоятельств) они попросту недоступны» (Статья: 152).. Он не раскрывает «разные обстоятельства», хотя именно они могли бы дать представления о мотивациях поведения «детей», которым недоступны детские сады, а поэтому они решили их поджигать! (Интересно, какого возраста поджигатели!?) Заметим, опять же автор приходит к выводу относительно недавних событий на материале почти 10-летней давности.

Порой поражает смелость и категоричность оценок и выводов (относительно, конечно, книги).

Статья: «Усиление перспективы этнокультурного развития и воспроизводства этнокультурных групп иммигрантов свидетельствует о том, что в самой Франции культурные устои претерпевают существенную трансформацию и справиться с проблемой интеграции новых культурных **религиозных групп она уже не в состоянии**» (Статья: 160).

Книга: Здесь аналогичный пассаж еще обращен в будущее, заканчиваясь словами после «культурных»: «**форм будет нелегко**». Казалось бы, все логично, книга написана в 2000, а статья в 2005 г. Но, оказывается, пророческие слова, как, впрочем, и весь приведенный текст, принадлежит другому автору (*Фадеева* 1990: 76) (Мультикультурализм: 109), опубликовавшей его за 15 лет до событий во Франции!

Еще один весомый вывод, сделанный А.И. Куропятником в статье: «В этом плане главную “**угрозу**” французскому обществу представляет ислам и, соответственно, опасность религиозного мусульманского фундаментализма. Оба эти фактора являются важнейшими социальными маркерами оценки состояния общества, перспектив его развития в рамках Европейского Союза как транснационального общества, открытого мультикультуральной перспективе, обладающего высоким уровнем толерантности открытости по отношению к этническим и культурным группам населения, национальным меньшинствам» (Статья: 160). И он, как оказалось, сделан другим автором еще 1994 г. Текстовые отличия, как и в большинстве случаев, носят «кардинальный характер».

Книга: «В этом плане главную **угрозу** французскому обществу представляет ислам и, соответственно, опасность религиозного мусульманского фундаментализма. Оба эти фактора являются важнейшими социальными маркерами оценки состояния общества, перспектив его развития в рамках Европейского Союза как транснационального общества, “открытости по отношению к группам чужим по этническим и культурным параметрам”» (*Takenaka* 1994: 345) (Мультикультурализм: 110).

Вообще, процесс трансформации книжного текста, предпринятый в статье, заслуживает особого внимания. Возьмем один очень характерный пример:

Книга: «Его важнейшие функции (ислама. – *В.Б.*), таким образом, состоят не только в обеспечении культурной идентичности, усиления мобилизационного потен-

циала мигрантов, но в сохранении привычного, привнесенного во французское общество с родины, образа жизни (Hoehne 1994: 133) (Мультикультурализм: 101).

Статья: «Важнейшие функции религии, таким образом, состоят не только в обеспечении культурной идентичности, усилении мобилизационного потенциала иммигрантов, но и сохранении привычного, привнесенного во французское общество с родины, образа жизни **и морали**» (Статья: 153). Автор ввел ключевое для него, по-видимому, слово «**морали**», после чего ссыла на первоисточник не обязательно.

В целом текст статьи эмоционален, в отличие от книжного варианта. Это и понятно, так как здесь автор не только анализирует, но и выражает свое отношение к фактам французской реальности. Например, он пишет: «К сожалению, в повседневном общении представители национального большинства по причине своего привычно-негативного отношения к этническим, религиозным меньшинствам недостаточно хорошо различают “лояльные” и “нелояльные” группы мигрантов, подвергая и одних, и других унижительной дискриминации» (Статья: 154). В *книжном варианте* эмоция не просматривается: «Довольно часто в повседневном общении представители... дискриминации». Здесь после текста, правда, имеется сноска (Sraieb 1991: 214) (Мультикультурализм: 103). Что уж тут скажешь, явно Срайб страдает эмоциональной глухотой, а профессор А.И. Куропятник – нет. По-видимому, только стыд за коллегу не позволил сослаться на него.

Подчас автор демонстрирует еще бóльшие чудеса.

Статья: «Комментируя подобный ход развития событий, невольно приходишь к опасной мысли, что в настоящее время в полиэтнических обществах возможна только одна модель взаимодействия, состоящая в противопоставлении коренного населения государства и иммигрантов» (Статья: 154). Сравним данный комментарий с тестом книги.

Книга: «Как отметил немецкий социолог Д. Ленцен, комментируя подобный ход развития событий, в настоящее время в мультикультуральных обществах возможна только одна модель взаимодействия, состоящая в противопоставлении коренного населения государства и иммигрантов» (Lenzen 1991: 155) (Мультикультурализм: 103). Видимо, Ленцен, который, конечно, в тексте статьи не упомянут, не «пришел к опасной мысли» потому, что определил общества как «мультикультуральные», наш же коллега назвал их «полиэтническими». Вот так рождаются «опасные» мысли!

Иногда, видимо на эмоциональной волне, профессор и вовсе отождествляет себя с источником. Автор пишет: «Новые тенденции социального и культурного развития в иммиграционной среде особенно отчетливо продемонстрировали неготовность Франции ее правительства к радикальным изменениям в культурной сфере и идеологии» [Куропятник 2000: 90–115] (Статья: 156). В книге же точно в этом месте фигурируют другие имена (Golembert 1991: 187; Wenden 1991: 230). (Мультикультурализм: 106).

Время от времени от «сожалений» и «опасений» автор возвращается к трезвой рассудительности: «Складывается впечатление, что механизм их взаимной изоляции

намного сильнее, чем механизм интеграции» (Статья: 159). Хотя, заглянув в книгу, видим, что это «сложилось» у Липпа еще в 1994 г. (*Lipp* 1994: 106) (Мультикультурализм: 109). Правда, ради справедливости отметим, что все-таки у Липпа сложилось «представление», а не «впечатление», а это уже, конечно, совсем другое дело.

Еще одна интересная деталь. В книге мысли отнесены к одним источникам – в статье же часто к совсем иным (причем, иногда к творившим значительно позднее). Например, цитата: «...религиозная эмансипация общества была направлена на политическое построение государства» (*Уолнер* 2000: 54) (Статья: 157). В книге эта мысль числится за Эрвье-Леже (*Эрвье-Леже* 1999: 232–233) (Мультикультурализм: 110). Дальше Эрвье-Леже опять попадает в немилость. Ее гипотеза, связанная с отношением французов к строительству мечетей, – «...что, вероятно, может быть связано с идеей социального присутствия церкви через ее территориальное влияние» (*Эрвье-Леже* 1999: 234) (Мультикультурализм: 110), – в статье фигурирует как авторская, так как текст воспроизведен дословно, включая «вероятно», но сноски отсутствуют (Статья: 157). Еще более курьезный случай. Например, на стр. 160 статьи мы видим сноску (*Балибар, Валлерстайн* 2004: 35; *Thadden* 1991: 593–594); в книге она же числится только за одним автором (*Thadden* 1991: 593–594) (Мультикультурализм: 109). Неужели Балибар и Валлерстайн через 13 лет с доскональной точностью воспроизвели мысль Таддена?

Текст статьи отличает «безвременье», автор без всякой рефлексии использует старые источники для характеристики современного состояния французского общества. Например, на стр. 150, дословно воспроизводя текст книги, А.И. Куропятник пишет: «Помимо общих проблем, связанных с безработицей, образованием, здравоохранением, преступностью, насилием в иммигрантской среде...» (*Wenden* 1991) (Мультикультурализм: 99), в статье отсылки на Вендена нет. Но ведь с 1991 г. (а книга Венденом наверняка писалась еще раньше) могли исчезнуть одни «общие проблемы» или появиться новые и также к 2005 г. стать «общими»! Могло, конечно, этого и не произойти, но для автора вообще такого вопроса не стоит. Это – еще один пример исследовательской «скрупулезности».

В статье А.И. Куропятник обращает внимание на «новые политические условия» во Франции, повлиявшие на «религиозный фундаментализм для мусульман и “официальный национализм”, не лишенный налета религиозности», возникновение которых он относит к 90-м годам (Статья: 157). В книге же появление этих «условий» датированы «концом 80-х – началом 90-х гг.» (Мультикультурализм: 107). Далее временные рамки еще более растягиваются.

Статья: «Уже к началу 2000-х гг. стало очевидным, что этнокультурная плюрализация страны, мультикультурализм, вызванный иммиграцией, вошли в противоречие с идеей закрытости и социальной завершенности французского общества» (Статья: 160).

Книга: «Уже к концу 1980-х – началу 1990-х годов стало очевидным, что этнокультурная плюрализация страны, мультикультурализм, вызванный иммиграцией,

вошли в противоречие с идеей закрытости французского общества от интенсивных политических и культурных влияний извне» (Мультикультурализм: 109).

Не скрою, будучи ошеломленным изученной «научной» работой и в особенности техникой ее построения, я решил поближе познакомиться с более ранним творчеством А.И. Куропятника. Это дало возможность проследить как происходил «профессиональный рост» исследователя, приведший наконец к такому результату.

Одновременно с книгой, в 2000 г., выходит статья автора «Мультикультурализм: идеология и политика социальной стабильности полиэтнических обществ» (Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 2). В книге в списке литературы она не числится, хотя включены даже тезисы в 1 стр. – стало быть, она создавалась позже. Иначе А.И. Куропятник имел бы возможность отразить ее в соответствии со сложившейся практикой в списке использованных работ с пометкой в «печати». Опять же сравнительный анализ двух произведений показывает, что статья является «нарезкой» фрагментов книги со стр. 26, 27, 28, 29, 7, 31, 32, 34, 35, 37, 39, 40, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 56, 57, 58, 59, 65, 116, 131, 132, 133, 137, 138, 145, 146, 150, 151, 152, 153.

Снова возникает вопрос: каков смысл «операции»? Мне кажется, что научный (если понимать науку как поиск истины, конечно) здесь отсутствует. Зато присутствует другой – бюрократический. А.И. Куропятнику в этом же году предстоит защита докторской диссертации. А что указать в автореферате в списке опубликованных по теме работ? Только книгу, которая по сути и есть диссертация? Могут возникнуть вопросы в ВАКе, если вдруг в списке помимо книги будут фигурировать двое тезисов объемом 4 стр. Большая же статья – другое дело, снимает возможные формальные претензии. Так появляется доктор наук, специалист высокой квалификации, имевший до написания книги/диссертации серьезный научный задел в данной области знаний в размере 4 стр.!

В 2003 г. выходит очередная статья А.И. Куропятника: «Мультикультурализм, нация, идентичность» (Перспективы мультикультурального развития России) // Глобализация и культура. Аналитический подход. СПб., 2003. И что же здесь? Опять дословная нарезка фрагментов книги со стр. 163, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 179. И опять страницы копируются не полностью а, как правило, берутся отдельные абзацы, которые склеиваются в «новый текст». Но здесь уже, в отличие от статьи 2000 г., проявляется склонность к «самостоятельному мышлению», т.е. отсутствуют ссылки на источники, в результате чего присваиваются чужие мысли. Например, после слова «мультикультурализма» (2 стр. статьи), в отличие от книжного варианта, отсутствует ссылка на Балмера (Мультикультурализм: 163), а в начале 3-й стр. статьи вместо отсылки на Глесснера, которая в данном месте сделана в книге, появляется сноска на А.И. Куропятника! (Действительно, доктору наук необходимо иметь собственные мысли!) Причем, интересно, ссылка делается не на книгу, а на тезисы докладов Всероссийского социологического конгресса (2000 г.). Иными словами, похоже, что мысль Глесснера была изначально присвоена автором

во время доклада и с тех пор считается его собственной. Нет ссылки также на Гизена в пассаже, взятом со стр. 167 книги, на Суси – со стр. 169 и т.д.

В этом же году публикуется статья «Проблема идентичности в мультикультуральных и полиэтнических обществах». (Сибирь и сибирская идентичность // <http://sibident.narod.ru>). Эта работа, как следует из примечания, выполнена при поддержке РГНФ. Текст опять же воспроизведен практически дословно из известной книги. Приведу пример наиболее «глубокой трансформации» книжного текста в «оригинальный».

Книга: В связи с разработкой проблем иммиграции, исследованием характера отношений между обществом и этническими меньшинствами, процессов, протекающих в сложных этнокультурных средах крупных городов, в социальных науках получила развитие идея признания и защиты этнокультурного плюрализма как черты многих современных национальных обществ. Исходя из этого, на первых этапах формирования идеологии мультикультурализма его главной задачей выдвигалось создание таких правовых и политических условий в пределах соответствующих национальных государств, которые обеспечивали бы равный статус меньшинств и национального большинства, равные возможности для сохранения и развития их культур, равные шансы на социальный успех.

Придавая особое значение «*процессуальной*» динамике этнокультурных параметров современных обществ, мультикультурализм позволяет по новому поставить проблемы этнической идентичности. Он открывает возможность формирования перспективных подходов к изучению проблем нации и национализма, предлагает новый взгляд на проблему пространственной мобильности населения как важного фактора, определяющего характер развития и направленность современных этносоциальных процессов. Он позволяет также перевести исследование особенностей механизмов трансформации этносоциальных параметров человеческих коллективов из «национального», точнее, национально-государственного, в транснациональный аспект. В этом случае мультикультурализм выступает не только как одна из форм современной либеральной саморефлексии национального общества. Он является не только «отражением» объективной процессуальности этнокультурных и этносоциальных явлений. Напротив мультикультурализм выступает как конкретная идеология и политика, направленная на реализацию наиболее продуктивных социальных технологий, правовых и политических механизмов стабилизации общества, развития его этнического и культурного многообразия, социальной интеграции на основе оптимальной паритетности интересов, равенства прав национального большинства, этнических и культурных меньшинств (Мультикультурализм: 21–22). В результате соединения выделенных мною фрагментов книжного текста образовался «новый».

Статья: В связи с разработкой идей мультикультурализма получила дальнейшее развитие идея признания и защиты этнокультурного плюрализма как черты многих современных национальных обществ. Поэтому на первом этапе формирования

концепций мультикультурализма его главной задачей выдвигалось создание таких правовых и политических условий в пределах соответствующих национальных государств, которые обеспечивали бы равный статус меньшинств и национального большинства, равные шансы на сохранение и развитие их культур.

Кроме того, подчеркивая процессуальный характер этнокультурных параметров национальных обществ, мультикультурализм позволил по-новому поставить проблемы этнической идентичности, сформулировать перспективные подходы к изучению нации и национализма, пространной мобильности населения, а также перевести исследование этих феноменов в транснациональный контекст. В этом плане мультикультурализм выступил не только как форма новейшей саморефлексии общества, не только как отражение процессуального характера этнокультурных и этносоциальных явлений, но, прежде всего, как конкретная идеология и политика, направленная на реализацию наиболее продуктивных правовых и политических механизмов стабилизации общества, развития его этно-культурного многообразия и социальной интеграции на основе оптимального баланса интересов и равенства прав национального большинства и этнических меньшинств.

Словом, представляется, что на данном этапе ученый приступил к деятельности, в которой не выдерживаются принципы научной этики. Получив от государства деньги на разработку актуальной, безусловно, темы, он в качестве отчета публикует подвергнутый шинковке текст трехгодичной давности, за который государство и так наградило его докторской степенью с прилагаемыми к ней материальными ресурсами.

В 2004 г. в годовом отчете в списке опубликованных А.И. Куропятником работ числятся две объемные статьи, опубликованные в разных изданиях: 1) Общество и сообщество: модели развития современных этносоциальных и культурных процессов // Социальная политика и социология. 2004. № 4; 2) Общество, сообщество, нация: проблема толерантности в национальных границах // Актуальные аспекты проблемы толерантности в современном обществе. СПбГУ, 2004. Читатель, решивший с ними ознакомиться, без труда обнаружит, что за исключением нескольких абзацев, это один и тот же текст! Причем список использованной литературы – прежний, тот, что воспроизводится А.И. Куропятником повсеместно. Относительно книги появляются две новые работы, которые затем упомянуты в статье о Франции. Там же мы имели возможность видеть, как автор их использует.

Впрочем, несправедливо было бы сказать, что творческий багаж социолога ограничивается одной монографией и нарезками из нее. На сайте социологического факультета указано, что профессор А.И. Куропятник (1957 г.р.) – автор двух монографий: 1) Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтнических обществ. СПб., 2000; 2) Европейское общество: Россия. Хаген, 1997 (в соавт.). Об основной работе автора, думаю, читатель получил некоторое представление. Поэтому я взял в руки второй труд (согласитесь, с очень солидным названием, да еще изданный за рубежом). На деле он оказался учебным пособием, подготовленным коллективом преподавателей социологического факультета в рамках многолетнего сотрудничес-

тва с одним из немецких университетов. Раздел, написанный А.И. Куропятником, «Народы России», состоит более чем из 14 подразделов, каждый из которых описывает группу народов, проживающих на территории России. На подраздел отведено 4–5 страниц. Например: «Этнический состав, расселение народов России» (с. 5–9), «Русские» (с. 9–14), «Народы Северо-Запада России» (с. 14–16), «Многочисленные народы Севера и Сибири» (с. 16–20) и т.д. В общем, «монография», изданная за рубежом, оказалась не более чем рефератом, который обычно пишут студенты первого курса. Этический вопрос: способен ли профессор отличить монографию от учебного пособия, написанного *коллективом* авторов? Думаю, что, несомненно, обязан, ибо, будучи заведующим кафедрой, он по совместительству длительное время исполняет обязанности заместителя декана факультета по учебно-методической работе.

В книге «Профессора Санкт-Петербургского университета: библиографический словарь» (СПбГУ, 2004) указано, что профессор А.И. Куропятник уже «автор трех монографий» (с. 332). Замечу, что данные для сайта и для библиографического издания предоставлялись самими авторами. Третью «монографию» мне с большим трудом удалось обнаружить в автореферате докторской диссертации. Ею оказалась (как следует из списка, содержащего работы, отражающие «основное содержание диссертации») «Программа поддержки и развития культуры в Ленинградской области» (под ред. П.М. Китаева. СПб., 1993. 6,5 п.л. [в соавт.]). Данная программа подготовлена совместно НИИКСИ (12-ю научными сотрудниками) и Комитетом по культуре администрации Ленинградской области (7-ю служащими Комитета). Вряд ли такую работу можно считать монографией даже в соавторстве. Другого труда, который бы хоть как-то по объему напоминал «третью монографию», обнаружить не удалось.

Вообще список литературы, представленный в автореферате докторской диссертации производит очень странное впечатление. В частности, объем второй «монографии» в соавторстве, оказавшейся учебным пособием, указывается в размере 15 п.л. В самой диссертации указывается, что объем этого же труда составляет 92 с. В самом издании, которое, действительно, равно 92 с., объем не указан. Компьютерное же измерение (исходя из того, что 1 п.л. составляет 40 тыс. знаков) показывает, что он равняется чуть более 4 п.л., а личный вклад автора – чуть более 2 п.л.

В списке литературы присутствуют и работы, которые никак не могут быть отнесены к теме диссертации «Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтнических обществ». Например, под № 10 – «Профессионализация социального работника» (0,4 п.л.), под № 12 – «Социология и смежные дисциплины (опыт комплексной реализации образовательных программ)» (1,2 п.л.), под № 13 – «Традиции антропологического образования» (0,2 п.л.).

Некоторые из указанных работ в *докторском* списке трудов, опубликованных по теме, и вовсе не могут не вызвать улыбки. Например, «Современные детерминанты социальных и этнических процессов» (0,2 п.л. *в соавторстве!!!*). Впрочем, и весь список вызывает ту же реакцию: из 19 представленных наименований 10 составляют работы от 0,1 до 0,4 п.л. Под № 11 же в списке значится «Мультикультурализм и поли-

этничность: парадигмы изучения этносоциальных процессов» объемом 0,5 п.л., в то время как в книге указано, что объем работы – всего четыре страницы (с.155–158).

Возникает вполне закономерный вопрос: в чем причина появления в науке ученых, прибегающих к таким «методам» деятельности? Очевидно, что это не единичный случай – подобное явление могло сформироваться в благоприятной среде, где разделяются ценности, которыми можно руководствоваться в «научной» и «педагогической» работе. Мне кажется, что исключить подобные явления или, во всяком случае, существенно «сократить» их возможно, только исключив фигуру профессионального чиновника из сферы непосредственного научного труда. Парадокс в том, что это можно достичь на пути глубокой демократизации системы высшего образования. Но, увы, в то же время можно констатировать, что внедрение института *выборности* руководителей всех уровней (от заведующего кафедрой до ректора) пока что не только не подорвало позицию бюрократа, но, наоборот, ее укрепило.

Выборы вузовских «начальников» осуществляются малым количеством людей: учеными советами, кафедрами. Не буду здесь раскрывать механизмы, но руководители более высоких рангов продолжают оказывать решающее влияние на процесс избрания удобных им подчиненных. Собственно, и защиты диссертаций нередко происходят «под начальника». Иными словами, кандидату на «место», присмотренному руководством, дается «зеленый свет» для получения соответствующей ученой степени. Однако, будучи избранным на пятилетний срок, он уже сам должен беспокоиться об укреплении своего положения. Причем эта необходимость жестко определяет поведение избранного «начальника», принуждая его к использованию разнообразных неэтичных методов работы. (А, кроме описанных, могут быть и другие методы. Можно, например, набрать своих ближайших родственников и их друзей – что, правда, уж совсем неприлично. А.И. Куропятник использовал и этот прием. На протяжении довольно продолжительного срока его жена была его же заместителем по кафедре. Да и в настоящее время она сотрудник подразделения, совсем недавно защитила докторскую диссертацию. При этом им же была «выдавлена» с кафедры молодая и перспективная сотрудница с двумя высшими образованиями, которой не очень-то давались демонстрации «поз подчинения».)

Представляется, что есть только один путь избавиться от «начальников» – это лишить должность («место») престижа и авторитета. В общем, в системе образования ключевой фигурой должен стать не чиновник с научными атрибутами, а профессор с реальными достижениями. Для их измерения существуют довольно надежные критерии. Способ реализации данной цели, насколько мне известно, апробирован на Западе. Это – система обязательной ротации управленческих кадров. Каждый профессор обязан поруководить определенный срок в очередном порядке. Причем, в это время к нему не предъявляются жесткие требования по выполнению своих главных обязанностей, касающихся подготовки научных кадров, количества научных публикаций. У нас, заметьте, все наоборот. У «начальника» сразу появляется множество аспирантов, которые обязательно успешно защищаются, создавая «научную школу».

Поэтому и студенты, ознакомившись с «системой» за время обучения, стремятся попасть под их «научное руководство».

Принятие подобной схемы никак не повлияло бы на ухудшение учебного процесса, особенно в гуманитарной сфере. Плюсы же очевидны: 1) Резко сокращается коррупционный потенциал системы. Он реализуется, как известно, преимущественно через «начальников». Для этого необходимо создать довольно законспирированную сеть, на что необходимо немалое время. 2) Отпадает возможность и необходимость опоры на бездарных «своих», так как «уход в отставку» неизбежен. 3) Система становится непривлекательной для начальников-псевдоученых, так как здесь – очень ограниченные возможности для реализации свойственных им талантов, что ведет к ее общему оздоровлению.

Заметим, что, при всей очевидности плюсов и простоты реализации данной схемы и, наконец, при наличии опыта ее функционирования в западных образовательных системах, я что-то не слышал о подобном рода намерениях ни от наших государственных чиновников, курирующих сферу образования, ни от научной «общественности», которая, казалось бы, должна выступать с такими инициативами. Объяснение очевидно: на форумах этой самой «общественности», о которых время от времени сообщают СМИ, присутствуют в основном крупные вузовские чиновники. А теперь, как говорится, «догадаться с трех раз».

Литература

Мультикультурализм – Куропятник А.И. Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтнических обществ. СПб.: СПбГУ, 2000.

Статья – Куропятник А.И. Иммиграция и национальное общество. Франция // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. № 4.